

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 82.14

DOI: 10.17223/23062061/27/1

О.К. Страшкова, А.Д. Алексенко

«ХРАМОВЫЙ ЦИКЛ» В КНИГЕ СТИХОВ ПОЭТА-ЭМИГРАНТА Г.В. ГОЛОХВАСТОВА КАК ТЕКСТ В ТЕКСТЕ

Аннотация. Исследуется функция образа-кода Храма как текстообразующего знака «русского мира» в полусонетах Г.В. Голохвастова. Предлагаемое исследование содержит описание, анализ и интерпретацию образа Храма на материале полусонетов, образовавших в творчестве поэта отчетливо циклизующиеся художественные единства, включающие художественные символы креста, иконостаса, иконы, монаха.

Ключевые слова: *Храм как текст, полусонет, русский мир, Русь, православие, цикл, храм, монах.*

Георгий Голохвастов – идейный лидер группы поэтов-эмигрантов первой волны (Е.В. Христиани, Д.А. Магула, В.С. Ильяшенко), образовавшейся в 1920–1930-е гг. в Нью-Йорке и названной Е. Витковским русско-американской школой [1. С. 553]. Биография Голохвастова изучена недостаточно, поскольку большая часть архивов поэта на сегодняшний день недоступна (фонд поэта хранится в Библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета, Нью-Йорк), однако достоверно известно, что в январе 1917 г. он в чине полковника был командирован за границу, где после октябрьского переворота принял решение не возвращаться в Россию. С 1920 г. Голохвастов живет в США, возглавляя Нью-Йоркское русское Общество искусств и литературы, а с 1937 г. – Американский Пушкинский комитет.

Для понимания художественного наследия поэта принципиально важен факт его идеологически добровольной, а не вынужденной эмиграции. Голохвастов сознательно отделил себя после революции

от новой России и не поддержал ни одну из враждующих идеологий. Поэт не принимал участия в братоубийственной войне и трагических революционных событиях, поэтому в США он унес навсегда запечатленный в памяти идиллический образ соборной Руси, ассоциируемой с родовым именем. Россия, воссозданная в лирике Голохвастова, – это большой дом с приветливым треском печи или песнями из девичьей, это тройка с бубенцами, бегущая по заснеженному простору, «разливы спелой ржи», «храм бедный с ветхой колокольней», «лампады у киота» и пасхальный праздничный звон, разливающийся над всей Россией-Русью.

Безусловна ценность поэзии Голохвастова, «в значительной своей части, тенденциозно, но бескорыстно ориентированной на выражение уникальности российской цивилизации, неотъемлемой и органичной частью которой, находясь в условиях вынужденной эмиграции, он продолжал себя ощущать» [2. С. 49]. В поэтической системе Голохвастова создана особая концептуальная художественно-эстетическая модель «русского мира», непротиворечиво выражающая самобытные цивилизационные установки автора. Идейними и аксиологическими основаниями российской идентичности в творчестве поэта выступают канонические образы-коды: Государство, Государь и Вера, – при этом доминантной в модели «русского мира» Голохвастова выступает православная вера: «Мечту / На берегах Генисаретских / Доверил тихому Христу» [3. С. 15].

Поэт воспринимал веру как православие, непременно воплощающее духовные координаты того русского человека, который вынужден жить на чужой земле; она ассоциировалась с образами монастыря, креста, иконы, монаха. Эти семиотические коды иллюстрируют «русскую мысль» Голохвастова. В первых книгах стихов «Из Америки» (1925), «Полусонеты» (1931) коды храма, иконы, молитвы встречаются фрагментарно, не образуя законченного художественного диалога. Это единичные знаки, намечающие границы «русского мира», пока только ощущаемого поэтом, но не определяющего пафос творчества. В поздних книгах стихов «Жизнь и сны» (1943), «Четыре стихотворения» (1944), «Сонеты за полвека» (сер. 1950-х гг.) совокупность цивилизационных кодов образует уже монументальный соборный образ «Святой Руси» – вместилища нравственности русского народа, одухотворенного православными устоями и традициями. «Святая Русь»

не идентифицируется поэтом ни географически, ни хронологически – обширная и необъятная, существует она с начала времен, хранимая Великой Церковью и русскими святыми, жизнью своей связанными с русской землей. Святая Русь для поэта – это «не территория, но духовный космос, проекция вселенной верующего русского человека» [4. С. 8].

Реальным воплощением «Святой Руси» и образа Бога для русского человека в изгнании является Русская церковь, объединяющая под своей сенью всех страждущих и покинутых. Образ Православной Церкви – чтимый и трепетно хранимый в памяти эмигрантов – выступал опорой их духовной жизни, побуждая к творчеству. Церковь являлась на чужбине спасительным маяком для всех, кто шел туда, как в убежище от чужого мира, от трудностей жизни.

Тоска по покинутой Родине воплотилась в художественных образах русских святынь и святых. Голохвастов трагически переживает вынужденную оторванность от России, явленной ему в своеобразном импрессионистическом хронотопе, поэтому в его творчестве постоянно воссоздаются образы русской земли, русской церкви и связанных с ней реалий. Образ Храма в поэзии Голохвастова отражает укорененное в православной традиции русской словесности соборное «мы», преодолевающее разобщенность мира и человека, оторванного от родной земли. Художественной задачей поэта стало воскрешение воцерковленной соборной России-Руси и отражение ее трагической судьбы в лирических формах различных сборников.

Наиболее насыщенной православной тематикой стала книга стихов «Полусонеты», над которой поэт работал на протяжении длительного времени. Книга вышла в 1931 г. в Париже и считается наиболее продуктивным и эстетически значимым сборником русского «американца», поскольку концентрирует уже зрелое сознание художника, демонстрируя его представление о «русском мире».

В сборник включены исключительно полусонеты в различных строфических вариациях: «ровно 300 единиц образцовых произведений жанрово-строфической формы» [5. С. 244]. Именно Голохвастов, по мнению Е.В. Витковского, довел до совершенства форму полусонета.

Полусонеты в составе книги отличаются от полусонетов, функционирующих автономно, единством текстового пространства, циклической замкнутостью, поскольку выступают в своей нарративной функции как повторяющиеся строфы, подхватывающие и ведущие сквозные,

изначально заданные тематические партии [5. С. 246]. Корпус полусонетов членится на соотносимые тематические группы со своими эпицентрами, периферией и взаимопереходами. К числу таких образных текстовых единств относится корпус полусонетов на христианские темы, которые в книге стихов «Полусонеты» можно разделить на три циклических единства: церковные праздники («Страстная суббота», «Троицын день», «Пасха», «Святая ночь», «Апрельский день на небосклон...»); описания церквей и монашеских традиций («Темны лампы у киота...», «Монах», «Храм бедный с ветхой колокольней...», «Скит»); интерпретация библейских сюжетов («Мадонна», «Грехопаденье»).

Предметом анализа в статье является реализация в полусонетах Голохвастова образа-кода Храма, выступающего в модели мира для поэта символом культуры России, основанием традиционного миропорядка, трепетно хранимого в памяти поэта-эмигранта, причем реализация, отражающая динамическое развитие смыслов «Храмового цикла» как единого лирического текста. Лирический цикл Голохвастова воплощается в небольших тематических блоках, «соприкасающихся, пересекающихся, а иногда и расположенных совсем изолированно, т.е. несколько лирических произведений объединены в единую поэтическую структуру при помощи самых различных конструктивных приемов, главным из которых является сквозная тема или, что еще чаще, единая авторская эмоция» [6. С. 182]. Сквозной темой цикла выступает Святая Русь – всемирный светлый Храм, запечатленный в творческом импульсе Голохвастова. Размышляя о структурных особенностях лирического цикла, В. Сапогов отмечает: «Лирический сюжет строится на развитии и оттенках авторской эмоции; сила и “центростремительность” поэтического чувства являются тем моментом, который сдерживает стихотворения цикла в пределах единой поэтической структуры» [7. С. 90]. Именно циклическая организация «Храмовой» темы в тексте книги стихов позволяет выявить своеобразный сюжет вхождения лирического героя в Храм, его очищения и восхождения к горнему миру.

Пространство Храма в лирике Голохвастова индивидуализируется под влиянием историко-культурной ситуации, психоментальных особенностей и личного опыта носителя. Код Храма в художественной системе Голохвастова имеет различные трансформации: это и одино-

кий монашеский скит, и древний монастырь, и небольшой городской приход. Описание церковного убранства в лирике Голохвастова поражает тихой сдержанной красотой, воссозданной в синтезе цветовых и светотеневых образов, звуков, едва уловимых движений воздуха, бликов, отсветов. Для поэта важна не только пластика образа, но и его эмоционально-психологическое переживание.

Полусонет «Темны лампы у киота...» открывает книгу стихов:

1. Темны лампы у киота
2. С пучком давно засохших верб...
3. С печалью тихой лунный серп
4. В оконце глянул: позолота
5. Икон зажглась, и бледный блик
6. Чуть-чуть дрожит, как будто кто-то,
7. Незрим, Христа целует Лик [3. С. 10].

Полусонет начинается описанием старого, почти оставленного храма. Лампы у киота не зажжены, печать времени лежит на ветках «давно засохших верб». Являясь единым синтаксическим целым, описание убранства храма в 1-м и 2-м стихах прерывается взглядом лирического героя извне «вместе» с печальным лунным серпом.

Последующее взаимодействие стихов находится в сфере оптической картины, составленной из живописных кадров: начиная с 3-го стиха в темное пространство заглядывает лунный серп, зажигая позолоту икон. Реализуется «гармонический принцип единовременного контраста» [5. С. 62]: пространственная статика храма оживляется эмоциональностью восприятия лирического субъекта и мерцанием бликов.

Перебой ритма в 4-м стихе, вызванный несовпадением метрического членения с синтаксическим («В оконце глянул: позолота»), обеспечивает динамическое начало и повышает эмоциональное воздействие на читателя. Второй анжамбеман соответствует строфическому членению полусонета, попадая между катреном и терцетом, вследствие чего высвечивается гармонический центр полусонета, приходящийся на полноударное и семантически значимое слово «Икон». Иконостас здесь – часть единого целого, того предметного мира, который является важнейшей категорией эстетического мышления поэта.

Терцет реализует идейно-художественный потенциал полусонета. В храме появляется незримый «Кто-то», чьим присутствием оживляет-

ся все пространство. Неопределенное местоимение «Кто-то» вмещает смысловые линии всего полусонета. Божий дом, даже ветхий и древний, не оставлен, а сам Святой Дух трепетно и благоговейно прикладывается к святому окладу, оживляя и наполняя святостью все пространство.

Художественно значим в полусонете прием светописи. В 1-м и 2-м стихах пространство храма темно: «Темны лампы у киота». Используя прием светописи, Голохвастов, вероятнее всего, находится под влиянием поэтики символизма, поскольку в 1-м стихе отчетливо прочитывается «Вхожу я в темные храмы» Блока. Далее происходит усиление светового образа: «лунный серп взглянул» – «позолота зажглась» – «бледный блик // дрожит» – «Лик». Светообраз развивается от легкого лунного свечения к расцвеченному бликами образу Спасителя. Оклады икон зажигаются, символизируя тождественность Христа и Света.

«Старописные» лики освещаются мерцанием лампад и в полусонете «Монах»:

1. В ночи у Ликов старописных,
2. Лампад мерцаньем озарен,
3. Следит чреду поклонов он
4. По зернам четок кипарисных
5. И вьет молитв заветных нить,
6. Чтоб дух от Князя Тьмы и присных
7. В полночный час оборонить [З. С. 11].

Голохвастов здесь следует древнерусской книжной традиции описания уединенной монашеской жизни. В центре внимания поэта – смиренная молитва монаха в древнем монастыре. Молитвенные сцены неоднократно встречаются в поэзии Голохвастова, но, как правило, они представлены в ситуации торжественной праздничной службы или одиночной молитвы лирического героя в миру.

В полусонете «Монах» аутентично воссоздается предметный мир Храма: иконы, лампы, священные четки. Монашеские четки – лишь единожды использованная художественная деталь в обозримом и доступном для нас корпусе текстов поэта. Четки в монашестве называются духовным мечом и вручаются монаху при постриге как орудие непрестанной молитвы, чтобы через призывание имени Божьего монах восходил по ступеням духовного развития и стяжал Дух Святой. Перекрестная рифма «нить» – «оборонить» актуализирует функцию образа-оберега как великого христианского символа.

Образ монаха представлен в номинации полусонета и в его строфической организации. Лексема «Монах» вынесена в название, а в самом полусонете она не представлена. Голохвастов использует местоимение «он», которое приобретает семантику благодаря расположению в конце 3-го стиха. Местоимение стягивает на себя логическое ударение не только 3-го стиха, но и всего катрена, выстраиваемого вокруг образа безымянного монаха. Враждебная монаху сила номинирована более образно: «Князь Тьмы и присные». Заявленный в 6-м стихе «Князь Тьмы» выступает центром терцета, выделенным строфически и ритмически. Противостояние темной дьявольской силы и одинокого монаха лежит в основе повествовательной структуры полусонета.

Динамичность полусонета создается отсчетом «зерен кипарисных»: каждый поклон и каждая молитва приближают «дух» к великому спасению. Разрешение противостояния двух онтологических начал происходит в 7-м стихе. Подтверждая всемогущество молитвы, полусонет завершается сильным смысловым глаголом «оборонить», дающим надежду каждому христианину на неизбежное повержение Дьявола и бесов, на обретение духовного покоя.

Продолжает тему обретения духовного покоя в стенах Дома Божьего полусонет «Храм бедный с ветхой колокольной...»:

1. Храм бедный с ветхой колокольной.
2. Чуть свечи теплятся. Но тут
3. Душе-скиталице приют;
4. Здесь сердце проще, богомольней,
5. И думы в сумерках минут
6. Властнее прочь от жизни дальней
7. К Завету Горнему зовут [3. С. 21].

В полусонете представлена важнейшая специфическая черта русского национального характера – вечное странничество в поисках высшей правды и Дома Божьего. Душа соотносится с образом странника и вечным странничеством: «...он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нем нет приземистости» [8. С. 33]. Душа скитается в поисках приюта, и здесь, в Бедном Храме, она становится проще, богомольнее. Ее движение организовано тремя вехами, обозначающими дорогу от временного приюта в ветхом храме через «думы в сумерках минут» к обретению пристанища в Горнем мире.

Первый сюжетный шаг (веха) закольцован 1-м стихом. Перед лирическим героем разворачивается картина, близкая и понятная каждому русскому человеку: «Храм бедный с ветхой колокольной». Голохвастов скуп на художественные детали: эпитеты «бедный», «ветхий» оттеняют строгость и сдержанность общей картины. Синтаксическая и лексическая обособленность первой части 2-го стиха «чуть свечи теплятся» локализует пространство полусонета внутри храма, а его художественная и лексическая сдержанность фиксирует аскетичность интерьера.

Бедность и ветхость убранства резко контрастируют с удивительным животворящим духом, спасающим и исцеляющим измученную душу-скиталицу. Прогивительный союз «но», разделяющий 2-й стих, фиксирует начало третьего сюжетного шага и обеспечивает связь между двумя онтологическими сферами полусонета – духовной и земной. Лирический герой переходит границу земного бытия, отрекается от всего мирского и обретает для «души-скиталицы» приют.

В последнем терцете, намечающем движение к «Завету Горнему», смещается система пространственно-временных координат. Катрен завершается пространственным маркером «здесь», и вектор духовного обновления закрепляется в стихах 6 и 7, содержащих антитезу «дольного / горнего» миров. Покой и простота Дома Божьего сподвигли лирического героя к несуетной молитве и неспешным размышлениям о спасения души. Закономерно в этом контексте говорить об особом «Храмовом сознании» Голохвастова, которое представляется соединением возвышенного и земного в нравственном, а следовательно, в религиозном чувстве.

Завершает книгу стихов «Полусонеты» полусонет «Скит», транслирующий идею обретения духовного покоя. Лирический герой Голохвастова находит желанное утешение и покой в духовной обители.

1. *Конца нет хмурым поворотам*
2. *Дорожки в чаще хмурых хвой...*
3. *Ни звука, ни души живой...*
4. *Вдруг – древний скит. Тропа к воротам.*
5. *Седой монах, как часовой,*
6. *Крестясь, окликает: – «Кто там?..»*
7. *– Открой, старик, впусти: я – свой [З. С. 55].*

Образ скита восходит к паломнической традиции, которая является неотъемлемой частью жизни Русской Православной Церкви. Па-

ломническая литература восходит к хождению – каноническому жанру древнерусской книжности, на который, очевидно, ориентируется поэт.

В полусонете выделяются специфические особенности строфической организации. Первые три стиха вводят в сумрачный, беззвучный и бездушный мир, который неожиданно – «вдруг» – разрывается видением сакрального образа. Стих 4 номинирует древний скит: «Вдруг – древний скит. Тропа к воротам». Разрыв синтаксического целого стиха организует короткую паузу и замедляет ритм, создавая ощущение восторженного любования древней обителью, случайно выступившей из чащи леса. Далее, используя парцелляцию, поэт как бы монтирует кадры увиденного лирическим героем, переключая план повествования на тропинку у ворот и на старого монаха.

Стихи 4 и 5 выстраивают трехчастную смысловую горизонталь, которая реализуется по мере приближения героя к заветной цели: древний скит – тропа к воротам – седой монах. Картина древнего монастыря постепенно открывается лирическому герою, подобно древнему граду Китежу, выходящему из вод озера.

Говоря о ментальности русского человека, Н.О. Лосский в работе «Характер русского народа» подчеркивает «его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием» [9. С. 240]. Именно такую модель избирает Голохвастов для своего лирического героя, обретающего Царствие Божие на земле, в удалении от мирской суеты: «Вдруг – древний скит. Тропа к воротам. / – Открой, старик, впусти: я – свой». Духовная самоидентификация героя – это его манифест «я – свой». Путь лирического героя к скиту сложен и тернист, как и непростой жизненный путь поэта, поэтому в конце пути он просит о приюте и покое.

Выявленный в лирических миниатюрах «Темны лампы у киота...», «Монах», «Храм бедный с ветхой колокольней...» сюжет с незначительными отличиями развивает эпизод пребывания лирического героя в Божьем доме. Голохвастов продолжает традицию, заложенную еще в XIX в. славянофилами и почвенниками: храм представлен не как часть пейзажа, а как онтологическое замкнутое пространство, определяющее аксиологические и мировоззренческие установки личности, нации, человечества.

Приметы Храма в «Храмовом цикле» Голохвастова становятся устойчивыми и повторяемыми. Главная примета, идентифицирующая

Храм – безусловная сакральность, которая обнаруживается в силу ряда причин. Прежде всего, Храм для лирического героя Голохвастова – это локус обретения силы и душевного покоя, в котором возможно избавление от одиночества среди враждебной толпы, отход от чуждой западной цивилизации. Алтарь, иконы и пение дьякона напоминают лирическому герою о его родовом имении, где он «трепетал в молитвах детских». Пространство Храма в лирике Голохвастова строго замкнуто в себе, оно не коррелирует с окружающим миром. Переступая порог храма, линию, которая разделяет и соединяет мирскую и горную реальности, лирический герой совершает переход из одной онтологической плоскости бытия в другую. Возобновляющее и очищающее душу пространство христианских символов ведет его дорогой молитвы и несуетного созерцания.

Приведенная выборка полусонетов свидетельствует о том, что одним из путей постижения своеобразия национального мира Голохвастова является анализ христианских мотивов в его сборнике «Полусонеты». Динамика развития сюжета этого цикла – подтверждение нашей гипотезы о циклическом единстве. Текстовое единство «Храмового цикла» полусонетов Голохвастова организуется благодаря «попытке через повествование передать человеческое существование во времени и пространстве, или, другими словами, организовать повествование на основе таких понятий, как историческое и национальное» [10. С. 30]. Поэзия религиозного чувства проявляется в изображении торжественной красоты и умиротворенной гармонии храма, имеющего исключительное значение для художественной системы Голохвастова. Наполненный важнейшими онтологическими смыслами, он выступает точкой пересечения координат прошлого, настоящего и будущего, поскольку, пребывая в пространстве Дома Божьего, лирический герой может вновь обрести утраченную навсегда Святую Русь. Трагическая отъединенность от чуждого североамериканского настоящего и житейской суеты преодолевается молитвой у родных икон, знакомых со времен счастливого прошлого в родовом имении. Лирический герой обращается к Богу в поисках цельности духа и надежного ориентира в нравственном самосовершенствовании. Он осознает Бога как «возврат к цельности, как собирание души, как высвобождение из того тягостного состояния внутренней разорванности и распада, которое стало страданием века» [11. С. 250]. Образный мир

«Храмового цикла» Голохвастова глубоко согласуется с духом христианской доктрины о Боге, которую поэт в течение всей творческой жизни репрезентировал в разных лирических формах и образах. Являясь текстом в тексте, этот цикл расширяет границы понимания художественной модели поэта-эмигранта и единства его поэтической системы.

Литература

1. Витковский Е.В. От смерти к жизни // Голохвастов Г.В. Гибель Атлантиды : стихотворения, поэма. М. : Водолей, 2008. С. 553–557.
2. Останкович А.В., Алексенко А.Д. Сюжетно-образная конкретизация концепта «Русь» в сонетах Г.В. Голохвастова // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 49–55.
3. Голохвастов Г.В. Гибель Атлантиды : стихотворения, поэма. М. : Водолей, 2008. 576 с.
4. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Конструкт «Святая Русь» и его смысловые актуализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 3 (31). С. 5–14.
5. Останкович А.В., Сугай Л.А., Федотов О.И., Шпак Е.В. Традиционные строфические формы и их жанрово-строфические единства в русской поэзии. Ставрополь : Альфа Принт, 2013. 282 с.
6. Сапогов В.А. Лирический цикл и лирическая поэма в творчестве А. Блока // Русская литература XX века (дооктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский; Тул. гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого. Калуга, 1968. С. 174–189.
7. Сапогов В.А. О некоторых структурных особенностях лирического цикла А. Блока // Язык и стиль художественного произведения : тез. докл. IX Науч.-теор. и метод. Конф., организуемой Кафедрой рус. литературы. (26–28 мая 1966 г.) / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина; под общ. ред. А.И. Ревякина. М., 1966. С. 90–91.
8. Бердяев Н.А. Душа России : сб. ст. М. : Центрполиграф, 2016. 255 с.
9. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: основы этики ; Характер русского народа. М. : Политиздат, 1991. 368 с.
10. Айзикова И.А. Передача национально-исторического колорита в ранних прозаических переводах В.А. Жуковского (из Коцебу и Флориана) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 30–44.
11. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Paris : YMCA-PRESS, 1937. 600 с.

The “Temple Cycle” in the Book of Poems by the Emigrant Poet Georgiy Golokhvastov as a Text in a Text
Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2021, 27, pp. 5–17.

DOI: 10.17223/23062061/27/1

Olga K. Strashkova, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation).
E-mail: olga.strashkova8@gmail.com

Anastasiya D. Alexenko, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: nastasya140@rambler.ru

Keywords: temple text, half-sonnet, Russian world, Rus, Orthodoxy, cycle, temple, monk.

The article examines the artistic system of the book of poems *Polusonety* [Half-Sonnets] by Georgiy Golokhvastov, the ideological leader of a group of poets of the first wave of emigrants (E.V. Khristiani, D.A. Magula, V.S. Ilyashenko) that originated in the 1920s–1930s in New York. The article deals with the specific phenomenon of a “temple cycle” as a text in the text of *Polusonety*. The cycle can be specified by the author as a structural unit of the book, or it can “stand out” as a united text space based on thematic or figurative unity. The latter is our case. The object of the research is the realization in the half-sonnets of the image-code of the Temple, which is a symbol of Russian culture within the model of the poet’s world, the basis of the traditional world order reverently stored in the memory of the emigrant poet. The “temple cycle” is considered as a single lyrical text. The cross-cutting theme of the cycle is the Holy Rus, represented in the image of the world lucent Temple; this image is in the memory of every emigrant. The signs of the Temple in Golokhvastov’s half-sonnets are “dark lamps at the kiot”, “monk”, “poor temple with a wrecked bell tower”, “skete”. The poet voluntarily emigrated to the United States after the revolution of 1917, but his memory preserved the idyllic image of Cathedral Russia that shaped in his poetic system as the conceptual artistic and aesthetic model of the “Russian world” closely connected with the Orthodox faith. The poet perceived faith as the embodiment of spiritual coordinates of Russian people forced to live in a foreign land, associated it with images of monastery, cross, icons, monk in his poetry. These semiotic codes illustrate Golokhvastov’s “Russian thought”. The code of the Temple in Golokhvastov’s art system has various transformations: it is a lonely monastic skete, an ancient monastery, and a small city parish. The space of the Temple is individualized under the influence of the historical and cultural situation, psycho-mental characteristics, and personal experience of the author. The temple for Golokhvastov’s lyrical hero is a locus of gaining strength and peace of mind, in which he can get rid of loneliness among the hostile alien crowd. The altar, icons, and deacon’s singing remind the lyrical hero of his ancestral estate, where he “trembled in his child’s prayers.” The renewing and purifying space of Christian symbols leads him by prayer and uncomplicated contemplation. Staying in the space of the House of God, the lyrical hero regains the forever lost Holy Rus. We come to the following conclusions: the figurative world of Golokhvastov’s “temple cycle” is deeply consistent with the spirit of the Christian doctrine of God, which was represented by the poet in various lyrical forms and images throughout his creative life. Being a text in the text, this cycle extends the boundaries of the understanding of the emigrant poet’s artistic model and the integrity of his poetic system.

References

1. Vitkovskiy, E.V. (2008) Ot smerti k zhizni [From death to life]. In: Golokhvastov, G.V. *Gibel' Atlantidy : stikhotvoreniya, poema* [Death of Atlantis: Poems]. Moscow: Vodoley. pp. 553–557.
2. Ostankovich, A.V. & Aleksenko, A.D. (2018) The plot and image concretization of the concept Rus' in sonnets by G.V. Golokhvastov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 49–55. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/6
3. Golokhvastov, G.V. (2008) *Gibel' Atlantidy : stikhotvoreniya, poema* [Death of Atlantis: Poems]. Moscow: Vodoley.
4. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2015) The construct “Holy Russia” and its semantic actualizations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3(31). pp. 5–14. (In Russian).
5. Ostankovich, A.V., Sugay, L.A., Fedotov, O.I. & Shpak, E.V. (2013) *Traditsionnye stroficheskie formy i ikh zhanrovo-stroficheskie edinstva v russkoy poezii* [Traditional stanzas and their genre and stanzaic unity in Russian poetry]. Stavropol: Al'fa Print.
6. Sapogov, V.A. (1968) Liricheskiy tsikl i liricheskaya poema v tvorchestve A. Bloka [The lyric cycle and lyric poem in the works by A. Blok]. In: Kucherovskiy, N.M. (ed.) *Russkaya literatura XX veka (dooktyabr'skiy period)* [Russian literature of the 20th century (the pre-October period)]. Kaluga: [s.n.]. pp. 174–189.
7. Sapogov, V.A. (1966) O nekotorykh strukturnykh osobennostyakh liricheskogo tsikla A. Bloka [On some structural features of A. Blok's lyric cycle]. In: Revyakin, A.I. (ed.) *Yazyk i stil' khudozhestvennogo proizvedeniya* [Language and Style of a Work of Art]. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute. pp. 90–91.
8. Berdyayev, N.A. (2016) *Dusha Rossii* [The Soul of Russia]. Moscow: Tsentrpoligraf.
9. Lossky, N.O. (1991) *Usloviya absolyutnogo dobra: osnovy etiki; Kharakter rus-skogo naroda* [Conditions for Absolute Goodness: The Foundations of Ethics. The Character of the Russian People]. Moscow: Politizdat.
10. Aizikova, I.A. (2007) Peredacha natsional'no-istoricheskogo kolorita v rannikh prozaicheskikh perevodakh V.A. Zhukovskogo (iz Kotsebu i Floriana) [The transfer of national-historical flavor in the early prose translations by V.A. Zhukovsky (from Kotzebue and Florian)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1. pp. 30–44.
11. Florovskiy, G.V. (1937) *Puti russkogo bogosloviya* [The Paths of Russian Theology]. Paris: YMCA-PRESS.